

О.В. Матвеев

«В жизни тот один достоин». Православная Сербия в исторической картине мира кубанского казачества

В иерархии ценностей кубанского казачества православие традиционно занимает первое место. Вера была включена практически во все события жизни Кубанского казачьего войска¹. С момента появления на исторической сцене казаки называли себя рыцарями Православия, борцами за чистоту веры и пострадать в борьбе с басурманами они считали для себя превыше всякой чести, знаком Божественного благословения. Поэтому защита православных балканских народов, изнемогавших под тяжестью османского ига, всегда выступала одной из важнейших тем в устной традиции казаков. Военный историк генерал-лейтенант Н.Н. Головин так писал о причинах вступления России в Перовую мировую войну: «Это было сочувствие к обиженному младшему брату. Веками воспитывалось это чувство в русском народе, который за освобождение славян вел длинный ряд войн с турками. Рассказы рядовых участников в различных походах этой вековой борьбы передавались из поколения в поколение и служили одной из любимых тем для собеседования деревенских политиков. Они приучали к чувству своего рода национального рыцарства. Это чувство защитника обиженных славянских народов нашло свое выражение в слове «братушка», которым наши солдаты окрестили во время освободительных войн болгар и сербов и которое так и перешло в народ»².

Отношение к «другому» в славянских народных представлениях определяется в первую оче-

редь его вероисповеданием. Яркий тому пример — взгляд православных сербов на своих единоплеменников, сербов-мусульман. В XIX в. и ранее сербы называли турками не только этнических турок, но и людей, говорящих по-сербски и даже не знающих турецкого языка, но исповедующих ислам³. Глубоко права известный славист О.В. Белова, допускающая возможность «говорить о системе этноконфессиональных стереотипов, на основе которой формируется в народных представлениях славян образ чужой веры»⁴. Но тогда правомерно поставить вопрос и о народных образах представителей «своей» конфессии. Попытаемся рассмотреть представления кубанских казаков о православной Сербии и единоверцах сербах.

Для русских всегда было очевидным соединение в самом этониме «серб» конфессионального и этнического признаков. Известный историк М.П. Погодин писал о населении Балканского полуострова: «...Православные продолжают называть себя сербами, что всегда означает не только национальность, но и веру»⁵. Не случайно в знаменитом «Послании к сербам» (1860), написанном А.С. Хомяковым, главной цементирующей силой «славянского братолюбия» прозвозглашалась православная вера. «Послание» категорически утверждало, что первым важнейшим и неоцененным счастьем сербов является их «единство в православии». «Православный, — говорилось далее, — сохраняя свою свободу... покоряет ее единогласному решению соборной

¹ Бондарь Н.И. К вопросу о традиционной системе ценностей кубанского казачества (Часть первая. XIX — начало XX века) // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999. С. 4.

Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. М., 1994. С. 9.

Белова О.В. Этноконфессиональные стереотипы в славянских народных представлениях // Славяноведение. 1997. № 1. С. 25.

Там же.

Керимова М. М. Югославянские народы и Россия. Этнографические сюжеты в русских публикациях и документах первой половины XIX в. М., 1997. С. 97.

совести. Оттого-то и не могла земская община сохранить свои права вне земель православных; оттого-то и славянин вполне славянином вне православия быть не может»⁶. Поэтому в России и в славянских странах православного ареала (*slavia orthodoxa*) активно культивировалось собственное славянство, в отличие от стран католического ареала (*slavia catholico*), ставшихся его особенно не акцентировать⁷. Подобный подход опирается прежде всего на этноконфессиональные стереотипы народной традиции. На вопрос автора этой статьи о том, защищали ли казаки сербов, старожил станицы Шапсугской Ф.Ф. Жерновой ответил: «Сербы, к Вашему сведению, приняли православное христианство. Сербы нам братья по религии. Конечно, защищали (казаки сербов. – *O.M.*)!»⁸

Значение слова «серб» лингвисты толкуют по-разному: и как «слуга, раб» — сравнивая с латинским *servus*, и как «сосед, союзник» — сравнивая со славянским *сябр, шабр*. Сябры хорошо известны из белорусского языка: сябры — друзья. А шабр (того же корня) — и вовсе очень древнее русское слово: шабрь, шабръ — сосед, член одной общини⁹. У некрасовских казаков сябры — соседи¹⁰. Так что язык никогда не обманывал русского человека: сербы — сябры — шабры — друзья, соседи. Наши друзья! «Сербы ж это — славяне, говорил нам С.Е. Дамницкий из станицы Мингрельской. — Наши! Югославия — она як братска!»¹¹. А.И. Новоселецкий из станицы Старовеличковской констатировал: «Сербы — это те же русский народ. Это точно! Я с сербами в эту войну (Великую Отечественную. — *O.M.*) встречался»¹².

Не последнюю роль в формировании таких представлений сыграла многовековая дружба,

связывающая сербский народ с казачеством и основанная на кровном и культурном родстве, общности вероисповедания. Становление русского и украинского казачеств совпало с массовым выездом на русскую службу сербов, вызванного подъемом освободительной борьбы балканских народов против военно-феодальной Османской империи¹³. Не желая мириться с подневольным положением, греки и южные славяне после поражения антитурецких восстаний уходили на территорию русского государства, с которым они связывали свои надежды на освобождение. Н.И. Костомаров, отмечая «глубокое внутреннее сродство» между сербским героическим эпосом и думами запорожских казаков, писал, что «судьба этих народов заключала в себе слишком много подобного, и сербский юнак все-таки сродни малорусскому казаку»¹⁴. Несмотря на разделявшее их пространство, считал историк, «существовало не только сродство, но даже взаимная симпатия. Есть сведения, что в Запорожской Сечи, в числе пришлых удальцов с разных сторон — сербы занимали видное место; сербы были в рядах Хмельницкого; мы встречаем между казацкими чиновниками сербских выходцев; сербин — название, очень знакомое для малорусов; оно попадается, и причем нередко, в песнях, почти так же, как имя черного болгарина в сербской поэзии»¹⁵. Следы присутствия сербов в рядах казачества отражены в происхождении некоторых фамилий. У черноморских казаков в Батуриńskом курене числился Федор Сербин, в Брюховецком — Игнат Сербин, а в Поповическом курене у казака Михайлы Рябоконя 12-летний работник носил фамилию Сербиненко¹⁶.

Правда, омрачили «глубокое внутреннее сродство» два обстоятельства. Часть земель

⁶ Дьяков В.А. Славянский вопрос в общественной жизни дореволюционной России. М., 1993. С. 48.

⁷ Михайлов Н.А. Славяне в рамках славянской и западноевропейской (итальянской) «модели мира». «Этномифология» и реальная ситуация // Славяноведение. 1997. № 2. С. 46.

⁸ Полевые материалы Кубанской фольклорно-этнографической экспедиции 2000 г. (далее: ПМ КФЭ — 2000). Станица (далее — ст.) Шапсугская Абинского р-на Краснодарского края (далее — кр). Аудиокассета (далее: а/к) № 2260. Информатор (далее — инф.) Жерновой Федор Филиппович, 1921 года рождения (далее — г.р.).

⁹ Макаренко Ю.Г. Сербы — значит: друзья. Политико-этимологический словарик // Казачьи вести. 1999. № 26—29.

¹⁰ Казачий словарь-справочник. Т. 3. Репр. воспр. изд. 1969 г. М., 1992. С. 141.

¹¹ ПМ КФЭ — 2000. Ст. Мингрельская Абинского ра-на Краснодарского кр. А/к № 2260. Инф. Дамницкий Сергей Емельянович, 1917 г. р.

¹² ПМ КФЭ — 2000. Ст. Старовеличковская Калининского р-на Краснодарского кр. А/к № 2099. Инф. Новоселецкий Александр Иванович, 1921 г.р.

¹³ Флоря Б.Н. Выходцы из балканских стран на русской службе (конец XV — начало XVII в.) // Балканские исследования. Вып. 3. Освободительное движение на Балканах. М., 1978. С. 62.

¹⁴ Костомаров Н.И. О воспоминаниях борьбы казаков с мусульманством в народной южнорусской поэзии // Костомаров Н.И. Казаки. Исторические монографии и исследования. М., 1995. С. 333.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Шкуро В.И. Антропонимия черноморских казаков // Кубанское казачество: три века исторического пути. Краснодар, 1996. С. 287.

Запорожского войска в 1774 г. была отдана русским правительством под сербские поселения, так называемую Новую Сербию. Напрасно запорожцы посыпали делегации в Петербург. «Тогда сербы были в моде, — писал В.А. Потто, — и Головатый успеха не имел»¹⁷.

Вторым обстоятельством было то, что по злой иронии судьбы разгромом Сечи руководил генерал-поручик Петр Текелич, серб по происхождению. «Разрушена Запорожская Сечь услугливым генералом из братьев-славян», — констатировал Ф.А. Щербина¹⁸.

Тем не менее с петровских времен сербы активно селились на юге России, особенно на Украине, постоянно привлекая внимание общественности к судьбе южных братьев. Их призывы всегда находили отклики и сочувствие в среде россиян.

Мысль об освобождении православных братьев и Царьграда от власти «басурман» была популярна на Руси в литературе и народной поэзии с середины XV в. Она отражена в «Повести о взятии Царьграда», в былинах. «Старой казак» Илья Муромец узнав, что «В Царь-граде ныне не по-прежнему / Одолели поганые татаровья, / Наехало поганое Идолище. / Святые образы были поколоты, / В черные грязи были потоптаны, / Да во Божьих церквях там коней кормит»¹⁹, едет туда и побеждает «поганое Идолище»: «Прибил-то он поганых всех в три часа, / А не оставил тут поганого на семена. / Как царь Константин Боголюбович / Благодарствует его, Илью Муромца: / «Благодарим тебя, старый казак Илья Муромец! / Нонь ты нас еще да повыручил»²⁰.

Идея о том, что именно русскому народу надлежит освободить Царьград и восстановить в нем христианскую веру, «по-прежнему» была близка казачеству, которое вело непрерывную многолетнюю войну с турками и другими народами магометанского Востока и осознавало себя в роли борца за истинную православную веру, освободителя издревле христианских городов от владычества «поганых басурман». В «Исторической повести

о взятии Азова в 1637 г.», созданной в казачьей среде, где сохранялись воспоминания об азовских подвигах, отмечается: «Помрем, братие, за святые Божие церкви и за святую истинную нашу православную христианскую веру. Никим же нудими, никим же посыпаеми, но сами восхотехом и по своей нашей воле за имя Христа истинного Бога нашего и за обиду Российского государства единодушно помереть и крови свои пролиятия»²¹. Запорожцы говорили о себе: «От древних времен мы, войско запорожское, никакого иного намерения не имеем, токмо единого тогожда единомыслия и стояли против неприятелей за сохранение церквей святых и за целость всего православного христианского народа будучи, всегда радетельно, где Бог по милости своей подати изволил, всякий промысел на басурман чинили и радети не переставали... Перси свои кровию неприятельскую обагряли, за веру православную заставлялись и славу бессмертную заробляя»²².

В исторических песнях кубанских казаков эта тема также звучит неоднократно: «Стойте же крепко за святую / Церковь, общую нам мать. / Бог поможет луну златую / С храмов Божиих сорвать»²³. Или: «Будем бить пока изгоним / Всех с Европы басурман / Христиан от них избавим, / Сами с богом по домам»²⁴. Казаки выражают надежду: «Ой да мы сойдемся с неприятелем, / Эх, с такою ордою неверною»²⁵. Другой текст говорит о том, что за веру можно погибнуть «с радостью»: «С Богом, браты, не робея, / Смело в бой пойдем, друзья. / Смело, жизни не жалея, / На басурманина врага. / Там далеко за Балканом / Русский много раз шагал, / Покоряя вражьи силы, / Гордых турок побеждал. / Там идет путем прадедов / В битвах лавры добывать. / Смерть за веру, за Россию / Можно с радостью принять»²⁶. В песне, записанной А.Д. Бигдаем в 1894 г. в казачьих лагерях в Екатеринодаре, есть такие слова: «В жизни тот один достоин, / Кто на смерть всегда готов, / Православный русский воин, / Не считая, бьет врагов. / Кровопийцы православных, / Бог накажет вас через нас, /

¹⁷ Потто В.А. Кавказская война. Т. I. От древнейших времен до Ермолова. Ставрополь, 1994. С. 523.

¹⁸ Щербина Ф.А. История Кубанского казачьего войска. В 2-х т. Репр. воспр. изд. 1910 г. Т. I. Краснодар, 1992. С. 466.

¹⁹ Былины. Библиотека русского фольклора. Т. I. М., 1988. С. 157.

²⁰ Там же. С. 161.

²¹ Воинские повести Древней Руси. М.; Л., 1949. С. 54.

²² Яворницкий Д.И. История запорожских казаков. Киев, 1990. Т. I. С. 261–262.

²³ Бигдай А.Л. Песни кубанских казаков. Т. II. Песни линейных казаков / Под ред. В.Г. Закарченко. Краснодар, 1995. С. 47.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 69.

²⁶ Там же. С. 52.

Покровители-поганцы, / Вечный стыд и срам на вас»²⁷.

Прочно бытовало представление, что «если умереть на войне за Христову веру, то Господь грехи отпустит»²⁸.

Религиозная сторона патриотических настроений кубанского казачества больше всего проявилась в связи с освободительным движением на Балканах в 1875–1876 г. и Русско-турецкой войной 1877–1878 г. Восстания в Боснии и Герцеговине, в Болгарии, известия о начале сербо-турецкой войны и о сербо-черногорском союзе вызывали на Кубани глубокое сочувствие. Местная газета сообщала, что «...все имущие и неимущие приносили свою лепту. Являлись пожертвования от таких лиц, которым всегда достается даже дневное пропитание»²⁹.

Одним из ярких проявлений солидарности с борющимися славянами явилось добровольческое движение. Видимо, именно тогда был сложен вариант песни «Объявил турок войну», записанный фольклорно-этнографической экспедицией под руководством Н.И. Бондаря в 1981 г., в которой есть такие слова: «Ой, турок рубит, да и турок и бьет. / Турок Сербию в плен берет. / Вра! Вра! Ой, да ура! / Турок Сербию в плен берет. / Ой, да, православный да ты русский царь, / Отпусти наш да и в бой отряд, / Шоб до света турка взять. / Вра! Вра! Ой, да ура! / Шоб до света турка взять. / Ой, да часть порежем, ой, да часть побьем, / Остальных у плен возьмем. / Вра! Вра! Ой, да ура! / Остальных у плен возьмем»³⁰.

Конечно, не стоит преувеличивать тяжесть религиозного багажа рядовых казаков. Не шел он дальше наставлений священника «о взгляде православного сына церкви на дозволенность войны», подкрепленных «указаниями из слова Божия» на этот счет³¹. А рассуждения там были предельно простыми: на силу сила. Безрассудно не бороться со злом, ибо тогда зло победит добро. Все дело в том, чтобы не противиться злу злом. Да и чего раздумывать, когда апостол Павел сказал:

«Если же кто о своих и особенно о домашних не печется, тот отрекся от веры и хуже неверного» (I. Тим. 5, 8).

От мыслей возвышенно-религиозных к делам земным: среди кубанцев нашлось немало добровольцев, готовых идти с оружием в руках защищать сербских братьев. «Явясь в станичное правление, со слезами на глазах и умоляющим тоном просят моего содействия об отправлении их по назначению как изъявляющих желание быть волонтерами для подания помощи гибнущим под игом турецкого правительства братьям славянам», — говорилось в рапорте атамана станицы Новомышастовской начальнику Темрюкского уезда от 28 сентября 1876 г.³² В станице Ильской изъявили желание идти в сербские войска «на подвиг освобождения страждущих славян на Востоке» шесть казаков неслужилого разряда. В Екатеринодаре — двенадцать добровольцев, причем с екатеринодарским отставным рядовым Константином Орбилиани вызывалась ехать на Балканы и его жена Наталья Семеновна, на что ею было получено разрешение от начальника Кубанской области³³. Вся Россия тогда, казалось, разделяла незатейливые, но идущие от сердца слова, которые писали добровольцы в своих заявлениях славянским комитетам: «Услышав о зверских поступках басурман-турок над христианами, мы заявляем наше искреннее желание отправиться в армию генерала Черняева и воевать с турками, защищая наших братьев христиан Балканского полуострова. А потому покорнейше просим комитет принять нас в число добровольцев и отправить в Сербию в ряды войск генерала Черняева»³⁴. Готовясь обрушиться на мусульманских насильников, кубанцы пели: «Они кожи драли, / Жгли людей живых / И на кол сажали, / Не жалея их. / Не давай пощады: / Залпом, на штыки! / Бросимся на шашки — / Счеты коротки. / В плен живому даться, / Боже, сохрани — / Будут наругаться / Над тобой они»³⁵.

Бедствия и страдания сербских беженцев, видимо, настолько отпечатались в народной памя-

²⁷ Там же. С. 106.

²⁸ Громыко М.М. Мир русской деревни. М., 1991. С. 232.

²⁹ Павловский С.В. Участие кубанских казаков в освобождении Болгарии от османского ига // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993. С. 91.

³⁰ Кирий О.А., Матвеев О.В. Исторические песни кубанских казаков глазами историка // Из культурного наследия славянского населения Кубани. Краснодар, 1999. Приложение № 1. С. 169.

³¹ Яковлев Н.Н. Последняя война старой России. С. 10.

³² Бардадым В.П. Ратная доблесть кубанцев. Краснодар, 1993. С. 82.

³³ Там же. С. 83.

³⁴ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875—1878. М., 1978. С. 165.

³⁵ Арканников. Из путевых заметок по некоторым местам Баталпашинского уезда // Кубанские областные ведомости (далее — КОВ). 1881. № 45.

Генерал-фельдмаршал Петр Александрович Румянцев-Задунайский (1725 – 1796).
Портрет неизвестного автора. (www.hrono.biografium.z.html)

ти станичников, что во время искусственно организованного голода 1932–1933 г. хлынувших в Закубанье беженцев, побиравшихся по дворам, называли сербами. В.Д. Шмарина, приведя воспоминания своего деда об этих тяжелых годах в станице Мингрельской, рассказывала: «Часто ходили нищие, ходили — сербы, а сербы они то ли с Сербии были, то ли, я не знаю, откуда люди были, но их называли сербы... Они носили веники... Они носили сита большие такие. Бабка их накормит...»³⁶. По крайней мере, это очень напоминает описания страданий сербских беженцев в воспоминаниях русских добровольцев, участников сербо-турецкой войны 1876 г.

Один из них сообщал: «Положение их (беженцев-сербов. — О.М.) было ужасное: без кровя, без хлеба, полунагие. Сердце сжалось при виде несчастных почти голых ребятишек, толпой бежавших около наших телег и просивших милостыню. Страшно подумать, что с этими людьми будет, когда наступит холодная пора»³⁷. Другой доброволец Н.В. Максимов свидетельствовал: «Умерли отцы целых семейств, подпора многих членов семьи. Эти члены семьи — нищие, выгнаны теперь из домов, спят где-нибудь в луже, noctуют под открытым небом и живут единственою надеждою: увидеть своего отца. И что же?.. Увы!.. Их отец убит, зарыт в сырую землю... Где зарыт? — там... где-то в яме!.. А где? того никто не знает»³⁸.

«Кубанские областные ведомости» писали тогда: «Что может быть святое дела — защиты избиваемых беспомощных младенцев, дряхлых стариков и беззащитных женщин»³⁹. Донская газета призывала 2 сентября 1876 г.: «Станичники! Если не остыла в груди вашей станичная доблесть казачья, если сочувствие ваше к страданиям порабощенных христиан готово перейти в дело, то идите на поля единоверной Сербии с тем же запалом, в каком были сердца наших предков на сибирских тундрах, в стенах Азова, против французов в 12 году, везде, где в битвах за отчество рассыпаны донские кости. Идите. Мы будем молиться за вас Богу, мы не оставим без помощи ваши семейства»⁴⁰.

Эти настроения находили свое выражение в новых вариантах станичной песни, посвященной еще походам Румянцева, Гудовича, Паскевича в предшествовавших русско-турецких войнах, в которых говорилось о том, что русские воины шли во «поле чистое, поле турецкое», «чтобы турок победить, всех славян освободить». Газета «Новое время» сообщала в октябре 1876 г., что майор А.Н. Хвостов объехал кубанские и терские станицы и «собрал там до 270 казаков-добро-

³⁶ ПМ КФЭ — 2000. Ст. Мингрельская Абинского р-на Краснодарского кр. А / к. № 2184. Инф. Шмарина Вера Дмитриевна. 1949 г. р.

³⁷ П-овъ Н. Воспоминания добровольца // Русский вестник. 1877. Т. 129. Май. С. 242.

³⁸ Максимов Н.В. Две войны 1876—1878 гг. Воспоминания и рассказы из событий последней войны. СПб.. 1879. Ч. 1. Война в Сербии. С. 86.

³⁹ Екатеринодар 17-го апреля // КОВ. 1877. № 16.

⁴⁰ Никитин С.А. Славянские комитеты в России в 1858—18876 годах. М., 1960. С. 317.

вольцев, из которых и предполагается образовать в Сербии особый «кавказский казачий эскадрон». 29 сентября отправилась в Сербию первая партия этих казаков, около 80 душ... Все они народ уже не молодой, но крепкий и бодрый, увешанный медалями и большую частью уже бывавший в боях. В числе уехавших казаков было 37 георгиевских кавалеров»⁴¹. Сам Хвостов в письме И.С. Аксакову сообщал: «Жаль, что славянские комитеты Москвы и Петербурга, истрачивая большие деньги на оборванцев, игнорировали превосходный элемент, гордость нашей армии, кавказских линейных казаков, сподвижников Слепцова, Бакланова и других; в каждой станице находятся десятки однообразно одетых, с ног до головы вооруженных георгиевских и других кавалеров. Снаряжение их требует очень малого расхода, и только терские, наиболее бедные, просят пособие. Имея время и достаточно средств, можно сформировать целые бригады героев»⁴². В другом месте письма отмечалось: «Если достану в Сербии лошадей, об которых казаки так заботятся, то сформирую лихой дивизион; если же нет, то из них будут пластунские пешие сотни. Первое было бы наиболее желательно, линейцы лучшие кавалеристы в мире, гораздо выше донских и принесут большую разностороннюю пользу»⁴³.

Большие надежды возлагал на казаков и командующий сербской армией генерал М.Г. Черняев. Он с уверенностью писал: «Если число добровольцев дорастет до 10 000 и 15 000 казаков, то я ручаюсь, что немногие из армии Абдул-Керима уйдут в освобождение»⁴⁴. Казаки пели: «Ты куда же да только пошел, / На поле турецкое, / Гей, ты куда же только пошел, / На кого надеешься? / Спонадеюсь, ой да только я / На войско на храброе, / Все войско Линейское»⁴⁵.

На этом фоне становится более понятным и редкий песенный текст, зафиксированный Д. Еланским в начале XX столетия: «С Малки, с Терека, с Кубани / Дети русии зямыли, / Мы на пир свищеннай(ы)й брани / Ф помошь Сербии пришли: / Спомним, братцы пры(а) Сляпцова / Вы(а)жака-бы(а)гатыря: / Ступим в бой кровава(ы)й смело / Зы(а) саотчика Царя. /

Генерал-фельдмаршал Иван Васильевич Гудович (1741 – 1820).
(www.hrono/biograf/gudovich.html)

Знают горцы нашу славу, / Знаить славу нашу мир. / Низложить врага в магилу / В битъви эта наш кумир, / Нам Черняиф путь укажить, / Сербии архистратих, / В битъви с нами вмести ляжть, / Если врах ни здастца в них»⁴⁶.

Текст записан в терской станице, но как отделять терских линейцев от кубанских, если они связаны были одной судьбой?! По крайней мере засин «С Малки, с Терека, с Кубани» встречается в песнях кубанского казачества⁴⁷. Упоминание в песне популярного и у кубанцев, и у терцев героя кавказских походов Н.П. Слепцова объясняется, видимо, тем фактом, что в Сербию поехали бывшие участники Кавказской войны, для которых имя генерала символизировало победу в боях с сильным и жестоким противником. Недаром А.Н. Хвостов писал о своем дивизионе: «Казаки

⁴¹ Россия и национально-освободительная борьба на Балканах 1875–1878. С. 177.

⁴² Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. Освободительная борьба южных славян в 1875–1876 гг. и Россия. М.. 1961. С. 410.

⁴³ Там же.

⁴⁴ Никитин С.А. Указ. соч. С. 325.

⁴⁵ Бигдай А.Д. Указ. соч. С. 143.

⁴⁶ Еланский Д. Старинные песни терских казаков // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 39. Тифлис, 1908. С. 52–53.

⁴⁷ Песни казаков Кубани / Запись текстов и подготовка к печати И. Ф. Вараввы. Краснодар, 1966. С. 73.

Генерал Н.П. Слепцов

Слепцова и Бакланова с восторгом и слепо идут в бой... Всего их 91 человек, из которых 29 георгиевских кавалеров, а остальные имеют медали в память войны (Кавказской. – О.М.)»⁴⁸. О героике Кавказской войны напомнили в Сербии жестокости черкесских махараджиров, с которыми русским вновь пришлось скрестить оружие. Рассказы ветеранов о нелегких буднях покорения Кавказа нередко вдохновляли на новые подвиги, помогали переносить тяготы сербо-турецкой войны. Один из русских добровольцев в Сербии А. Ржевусский вспоминал: «Большую помощь оказали нам добровольцы Ушакова, иногда просто на руках выносили орудия и орудийные ящики. „Это еще что, наплевать, вот на Капказе...“ начал было какой-то седой доброволец, украшенный кавказским, совсем позеленевшим крестом»⁴⁹.

Генерал Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898) – участник Крымской войны, герой среднеазиатских походов, в 1876 г. вопреки желанию русского правительства, пытавшегося разрешить Восточный кризис дипломатическим путем, уехал

в Белград и был назначен главнокомандующим сербской армией. Современники и историки не часто жаловали Черняева, иногда открыто обвиняя его в авантюризме. Но в этом-то и прелесть избирательности народной истории, которая часто не совпадает в своих оценках с официальной. Удивительное дело, М. Е. Салтыков-Щедрин нарисовал гротескный образ «странствующего полководца» Полкан Самсоновича Редеди, в котором высмеял Черняева («Современная идиллия»), И. С. Тургенев гневно осуждал «освободителя югославян», называя его «пошляком, Хлестаковым». Дореволюционные и советские историки не жалеют красок, чтобы подчеркнуть неспособность генерала командовать крупными оперативными единицами, а народная история возвеличивает подвиг «архистратига Сербии! «В России, на всем ее пространстве поются молебны с многолетием „христолюбивому и братолюбивому вождю славянского воинства рабу Божию Михаилу“», сообщал в 1876 г. И. С. Аксаков⁵⁰. О. Миллер восторженно писал о Черняеве: «Архистратиг славянской рати, / Безукоризненный герой! / Под кровом Божьей благодати / Да совершится подвиг твой! / Да сохранит в борьбе кровавой / Тебя Всевышнего рука, / И память дел Твоих со славой / Пройдет в далечие века»⁵¹.

Черняев был знаменем, славянским символом. «Его имя стало народным», – записал в «Дневнике писателя» в июле 1876 г. Ф. М. Достоевский⁵². Участник боев в Сербии П. Гейсман, подвергнув критике тактику военачальника, тем не менее отмечал, что «генерал Черняев заслуживает полного уважения со стороны всех Славян вообще и Русских в особенности, так как он первый у нас явился выразителем того прекрасного чувства к нашим соплеменникам, которое охватило в описываемое время всю Россию, и той беззаветной готовности пожертвовать собою в борьбе за правое дело, которую поистине могут гордиться русские люди»⁵³. Глубоко права Л. В. Кузьмичева: «По нашему мнению, М. Г. Черняев не заслужи-

⁴⁸ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 433.

⁴⁹ Ржевусский А. Памятные дни // Русский вестник. 1881. Т. 153. Июнь. С. 657.

⁵⁰ Освобождение Болгарии от турецкого ига. Т. 1. С. 386.

⁵¹ Михайлов А. Михаил Григорьевич Черняев. Биографический очерк с приложением выражений общественного к нему сочувствия. СПб., 1906. С. 5.

⁵² Достоевский Ф. М. Дневник писателя // Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч. В 30-ти томах. Л., 1982. Т. 23. С. 105.

⁵³ Гейсман П. Славяно-турецкая борьба 1867–77–78 гг. и ее значение в истории развития восточного вопроса. Мысли, воспоминания и впечатления П. Гейсмана, бывшего участника войн 1876 и 1877–78 годов. Ч. 1. Сербо-турецкая война 1876 года. СПб., 1887. С. 156.

вает многочисленных упреков в том, что он принадлежал к числу вояк, которым было все равно, где сражаться. Черняев отправился в Сербию по глубокому убеждению в необходимости избавления народов Балканского полуострова от турецкого ига. Нельзя отрицать то, что его искреннее стремление помочь сербскому народу, равно как и популярность его имени в России, способствовали развитию добровольческого движения»⁵⁴. Поэтому слова казачьей песни «В битъви с нами вмести ляжить» отражали реальное отношение добровольцев к своему вождю. Песня, очевидно, выполняла роль строевой. Казалось бы, о каком песенном репертуаре может идти речь во время невыносимо тягостных будней, поражений и отступлений изнемогающей малочисленной и плохо вооруженной армии Черняева под напором турецких полчищ? Один из добровольцев вспоминал: «У меня так сильно, так радостно билось сердце, мне казалось, что я подъезжаю ко второй родине, что я сейчас приму в свои объятия дорогих мне братьев.

Мы дружно на врагов
На бой мы поспешим,
За родину, за славу,
За честь мы постоим! –

пели добровольцы с убеждением, что случись в эту минуту против нас неприятель, каких бы чудес наделала эта кучка людей»⁵⁵.

Н.В. Максимов так описывал свои впечатления от встречи с сербскими войсками: «Сзади их тянулся батальон с черным знаменем, на черном фоне которого был изображен белый череп с перекрещенными белыми костями (Вспомним о стяге героя казачьих песен Я.П. Бакланова! – *O.M.*). Значит, принадлежало пластунам, храбрейшей

Генерал Михаил Григорьевич Черняев (1828–1898).
(фото из «Большой русской биографической энциклопедии»)

части сербского войска. Вот звуки горна и барабана умолкли, несколько голосов грянули песню:

Ох, вы сени мои, сени,
Сени новые мои!

Боже! то были русские! Я бросился в сторону этого батальона и с какою-то жадностью, с каким-то детским любопытством начал осматривать русские лица. Впереди всех, в первой линии, шли исключительно русские запевалы. Бодрый вид этих молодцов, ухарство русской натуры сразу дали о себе знать»⁵⁶.

В походной песне добровольцев говорилось: «Не для денег, не для славы / Мы идем на бой кровавый: / Мы идем за край родной, / Мы идем за Крест святой! / Мы идем за угнетенных, / Наших братьев оскорбленных, / За свободу их

⁵⁴ Кузьмичева Л.В. Русские добровольцы в сербо-турецкой войне 1876 г. // Россия и Восточный кризис 70-х годов XIX в. М., 1981. С. 79–80.

⁵⁵ П-овъ Н. Указ. соч. С. 235.

⁵⁶ Максимов Н.В. Две войны 1876–1878 гг. С. 70–71.

полей. / За святыню алтарей, / За права христианина / Человека, семьянина, / За его очаг и дом – / Вот за чем мы в путь идем»⁵⁷.

Искреннее воодушевление, с которым добровольцы шли в бой за единоверных братьев, дало новое дыхание, казалось бы, уже безнадежной борьбе. Как указывал сербский историк Слободан Иванович, прибывшие из России в Сербию волонтеры «внесли новое одухотворение в сербские войска», усилили сопротивление турецкому наступлению и в решающих сражениях, хотя и закончившихся поражением, «сражались лучше», более стойко, чем неопытная сербская милиция⁵⁸. Активная участница русско-сербского благотворительного комитета в Белграде Е.О. Лихачева писала в сентябре 1876 г., когда сербская армия терпела неудачи: «Сербия держится теперь русскими. Русские дерутся храбро; они учат сербов умирать; русских шлют в огонь первых...»⁵⁹. Один из сербских офицеров говорил П. Гейсману: «Действовать вместе с русскими крайне опасно; это какие-то отчаянные люди, которые николько не дорожат ни своею, ни чужою жизнью; они думают только о наступлении, а отступления не допускают вовсе»⁶⁰. Исчерпывающий комментарий к словам «Мы на пир священной браны в помощь Сербии пришли!»

В то же время, как указывает Н.И. Бондарь, на уровне системы ценностей мы всегда имеем дело с двумя системами – идеальной, желаемой, декларируемой и реальной. Они полностью никогда не совпадают, хотя и пересекаются по многим параметрам⁶¹. Искреннее стремление выступить в защиту единоверцев, бывало, соседствовало с далеко не идеальными поведением и личными качествами некоторых добровольцев. Состав волонтеров в Сербии был пестрым, не все оказались достойными нести взятую на себя священную миссию⁶². Н.В. Максимов, например, писал в своих воспоминаниях: «Плохою репутациею пользовались и наши казаки, которые прибыли в Делиград к концу военных событий. Это был народ распущенный, сильно пьющий и не

оказавший никаких особых услуг общему делу. Черняев возлагал на них большие надежды, но эти надежды не оправдались на деле»⁶³. Правда, автор записок оговаривает, что имеет в виду донских казаков. Относительно кубанцев и терцев он лишь сообщает: «Линейные казаки не принимали никаких назначений; они рассчитывали действовать самостоятельно все сообща свою партию (несколько десятков человек), в которую не принимали никого. План их действий заключался в том, чтобы грабить и жечь турецкие села и деревни. Каждый из линейных казаков дал клятву перед всем своим обществом, что никто из них не будет убивать женщин, младенцев и стариков»⁶⁴. Как видим, характеристика кавказских казаков в целом соответствует тому намерению, с которым они прибыли в Сербию. Что же касается особенностей казачьей тактики («жечь и грабить»), то она действительно могла показаться «дикой» русскому волонтеру, не знакомому с жестокими реалиями Кавказской войны, векового противоборства с горцами, в ходе которого уничтожение поселений было одним из самых действенных средств борьбы. Сам же Максимов в другом месте отмечает, что в Сербии «пластуны всегда были храбрыми: недаром на их черном знамени была изображена эмблема смерти: человеческий череп с двумя перекрещенными костями»⁶⁵.

Каковы бы ни были мотивы, по которым казаки-добровольцы отправлялись в Сербию, «они понесли туда свои головы, которых, как известно, у людей только одна»⁶⁶, в подавляющем большинстве они искренно и бескорыстно стремились бороться в защиту славян, подавая примеры бесстрашия и героизма. Они должны были помнить напутствия станичного священника, который говорил им, что брань будет вестись «не за мирские выгоды и не для земных целей, а за веру и православие»⁶⁷. «Докажите Святой Церкви Православной, – говорил обычно при проводах казаков на войну местный батюшка, – что вы верные сыны ея и Святой Руси, что вы достойные подражатели своих дедов и отцов, докажите, что

⁵⁷ Михайлов А. Указ. соч. С. 148.

⁵⁸ Нарочницкая Л. И. Россия и национально-освободительное движение на Балканах 1875–1878 гг. М., 1979. С. 32.

⁵⁹ Там же.

⁶⁰ Гейсман П. Указ. соч. С. 137.

⁶¹ Бондарь Н.И. Указ. соч. С. 8.

⁶² Нарочницкая Л.И. Указ. соч. С. 32.

⁶³ Максимов Н.В. Указ. соч. С.126.

⁶⁴ Там же. С. 126–127.

⁶⁵ Там же. С. 160.

⁶⁶ Нарочницкая Л.И. Указ. соч. С. 32–33.

⁶⁷ 12 января 1877 года в станице Ладожской // КОВ. 1877. № 10.

вы способны совершить, что прежде могла совершить только вековая казачья доблесть»⁶⁸. И казаки доказывали. В болгарских и сербских песнях, предшествующих освобождению Болгарии, русские любовно называются «руsnаци, донски казац»⁶⁹. Красавица Бойко, прявшая у своих ворот, добрым словом встречает русских, говоря им: «Русnаци, братя казац, / Имаме място за вази, / За вази и за конете, / И за конете забило...» («Русские, братья-казаки, / Имеем место для вас, / Для вас и для коней, / И для коней зерно»)⁷⁰. Совсем не случайно именно в 1876 г. появляется новый прекрасный перевод «Тараса Бульбы» Н.В. Гоголя на сербский язык. Определенную роль в популярности Гоголя у сербов сыграло обращение его к жизни казачества, сближало с сербами сходство исторических судеб, борьба за православную веру, свободу и независимость, близость языка, нравов и обычаяев, народного творчества. Как считает сербский литературовед Милиша Милидрагович, «переведенное в числе первых это произведение стало одним из самых популярных, если не самым популярным произведением русского писателя, любимой книгой в сербских семьях»⁷¹. Ее читали с тем подъемом, какой вызывали обычно у сербов народные эпические песни. Образ легендарного запорожского казака Тараса Бульбы во многом ассоциировался ими с образом любимого народом юнака Кралевича Марко.

Один из старожилов станицы Мингрельской И.А. Бирюк говорил нам: «Сербы и в революцию воевалы за Россию. Сербы! И Россия их защищала! Как малая нация (сербская. – О.М.), православная»⁷². Человек любием, верой в несокрушимость православия, в вечную дружбу между братьями славянами веет от стихотворения (а ныне – песни!) «К Сербии» походного священника

1-го Кавказского полка Константина Образцова, автора любимого кубанскими казаками гимна «Ты, Кубань, ты – наша Родина»: «Родная Сербия, сестра Руси Великой, / Какой тяжелый крест несешь ты на себе! / Под натиском орды безжалостной и дикой / Ты кровью истекла в мучительной борьбе... / Родная Сербия, мы все с тобой страдаем, / Любимая сестра, мы верим, как и ты, / И молимся с тобой, и крепко уповаем, / Что Бог поможет нам нести свои кресты... / Мужайся, потерпи!.. Бог в правде, а не в силе. / И правду миру вновь покажет Божество: / Христос был на кресте, страдал и был в могиле, / Но там и показал / Он правды торжество»⁷³. Звучащая ныне в исполнении Кубанского казачьего хора и ставшая народной песня выражала в дни варварских бомбажек и агрессии НАТО на Балканах истинное отношение кубанцев к трагедии славянства, вступившего в очередной этап борьбы за православные святыни.

Образ православной Сербии и необходимость борьбы за нее в исторической традиции кубанских казаков не только информируют о прошлых подвигах, но и дают примеры для подражания. До сих пор живы сформированные в течение столетий поведенческие стереотипы, выражающиеся и в народном устном творчестве. Народное сознание не смирилось с унижением России и Сербии, оно возрождается, и будет возрождаться патриотическими подвигами бескорыстно и самоотверженно служивших святому делу русских людей.

Та вже шабли заржавели,
Мушкеты без курков,
А ще серце козацкое
Не боится турков.

⁶⁸ Там же.

⁶⁹ Шептунов И.М. Отражение Русско-турецкой войны 1877—1878 гг. в фольклоре // Балканские исследования. Вып. 4. Русско-турецкая война 1877—1878 гг. и Балканы. М., 1978. С. 231

⁷⁰ Там же. С. 247.

⁷¹ Милидрагович М. Гоголь у сербов во второй половине XIX века // Русско-югославские литературные связи. Вторая половина XIX – начало XX века. М., 1975. С. 85.

⁷² ПМ КФЭ — 2000. Ст. Мингрельская Абинского р-на Краснодарского кр. А/к. № 2186. Инф. Бирюк Иван Артемович, 1918 г. р.

⁷³ Отец Константин Образцов, полковой священник. «Ты, Кубань, ты – наша Родина...» Стихи, песни, письма. Краснодар, 1998. С. 52.